

Глава первая.

Совиная почта

По всем статьям, Гарри Поттер был весьма необычным ребёнком. Взять хотя бы то, что он ненавидел летние каникулы. Или то, что он искренне стремился выполнить каникулярные домашние задания, но был вынужден заниматься этим тайно, под покровом ночи. А ещё он был колдун.

Уже почти наступила полночь, а Гарри, как тентом укрывшись с головой одеялом и держа в руке карманный фонарик, лежал на животе на кровати. Перед ним, подпёртая подушкой, стояла раскрытая книга в кожаной обложке («История магии» Батильды Жукпук). Гарри водил кончиком орлиного пера над страницей и, насупив брови, пытался выискать в книге что-нибудь, что помогло бы закончить сочинение на тему «Бессмысленность сожжения ведьм в четырнадцатом столетии – обсуждение».

Перо зависло над подходящим параграфом. Гарри поправил на носу круглые очки, поднёс фонарик поближе к книге и прочитал:

Не владеющие магией люди (более известные как муглы) в средние века особенно сильно боялись колдовства, однако не обладали даром распознавать оное. В тех редких случаях, когда им удавалось поймать настоящих ведьм или колдунов, сожжение не приносило ожидаемого результата. Колдун или ведьма в этом случае прибегали к базовому Пламезамораживающему Заклятию, а затем притворно вопили от боли, в действительности испытывая лишь легкую щекотку. Например, Везучка Венделин так любила жариться на костре, что позволяла отловить себя не менее сорока семи раз, разумеется, под разными обличьями.

Гарри зажал перо зубами и полез под подушку за чернильницей и свитком пергамента. Медленно и очень осторожно он отвинтил крышечку, обмакнул перо в чернильницу и начал писать, постоянно останавливаясь и

прислушиваясь – если бы кто-то из Дурслеев по пути в ванную услышал скрип пера, то Гарри, скорее всего, заперли бы в шкафу под лестницей до самого конца каникул.

Из-за семейства Дурслеев, проживавшего в доме № 4 по Бирючиновой аллее, Гарри и ненавидел летние каникулы. Дядя Вернон, тётя Петуния и их сын Дудли были единственной оставшейся у Гарри родней. Они были муглы, и им было свойственно в высшей степени средневековое отношение к колдовству. О погибших родителях Гарри – а они как раз были колдун и ведьма – в стенах дома на Бирючиновой аллее упоминать не полагалось. Многие годы тётя Петуния и дядя Вернон пребывали в убеждении: если держать Гарри в как можно более забитом состоянии, то из него удастся выбить волшебные способности. К их великому возмущению, ничего не вышло. Теперь им приходилось жить в постоянном страхе: вдруг кто-нибудь узнает, что племянник вот уже два года учится в «Хогварце», школе колдовства и ведьминских искусств. Всё, что они могли предпринять в качестве превентивной меры, так это с самого начала каникул запереть в шкафу книги заклинаний, волшебную палочку, котёл и метлу и запретить мальчику разговаривать с соседями.

Недоступность учебников была для Гарри настоящим бедствием, потому что в «Хогварце» много задавали на каникулы. Одна из работ, особенно сложная, про уменьшительные отвары, предназначалась для самого нелюбимого учителя, профессора Злея, а тот был бы в восторге, найдись у него повод наложить на Гарри суровое взыскание на месяц-другой. У Гарри не было выбора – пришлось воспользоваться первым же удобным случаем. В самом начале каникул, пока дядя Вернон, тётя Петуния и Дудли восхищались в саду очередной машиной дяди Вернона, предоставленной ему фирмой (нарочито громкими голосами, чтобы никто из соседей не пропустил новости), Гарри прокрался на первый этаж, вскрыл замок шкафа под лестницей, схватил сколько мог унести книжек и спрятал их в своей комнате. Теперь, если только он не заляпает простыни чернилами, Дурслеи не узнают, что он по ночам изучает магию.

Сейчас для Гарри было особенно важно не раздражать дядю с тётей. Они и без того жутко на него разозлились – через неделю после начала каникул ему осмелился позвонить по телефону приятель-колдун.

Рон Уэсли, лучший друг Гарри по «Хогварцу», происходил из

потомственной колдовской семьи. Поэтому он с детства знал множество таких вещей, о которых Гарри и не подозревал, зато никогда раньше не пользовался телефоном. По совсем уж несчастливому совпадению, трубку снял сам дядя Вернон.

– Вернон Дурслей слушает.

Гарри, случайно находившийся в это время в комнате, так и застыл, когда услышал голос Рона.

– АЛЛО? АЛЛО? ВЫ МЕНЯ СЛЫШИТЕ? ПОЗОВИТЕ – ПОЖАЛУЙСТА
– ГАРРИ – ПОТТЕРА!

Рон так орал, что дядя Вернон в первый момент подпрыгнул, отставил трубку на полметра в сторону и воззрился на неё со смешанным выражением тревоги и гнева.

– КТО ГОВОРИТ? – проревел он в направлении микрофона. – ВЫ КТО?

– РОН – УЭСЛИ! – надрывно прокричал в ответ Рон, как будто они с дядей Верноном разговаривали друг с другом с разных концов футбольного поля. – Я – ДРУГ – ГАРРИ – ПО ШКОЛЕ...

Маленькие глазки дяди провернулись в глазницах и уставились на Гарри. Ноги у мальчика словно приросли к полу.

– ЗДЕСЬ НЕТ НИКАКОГО ГАРРИ ПОТТЕРА! – прогрохотал дядя, теперь держа трубку на расстоянии вытянутой руки. Создавалось впечатление, что он боится, что трубка взорвётся. – НЕ ЗНАЮ, О КАКОЙ ТАКОЙ ШКОЛЕ ВЫ ГОВОРИТЕ! НИКОГДА БОЛЬШЕ НЕ ЗВОНИТЕ СЮДА! И НЕ ПРИБЛИЖАЙТЕСЬ К МОЕМУ ДОМУ И МОЕЙ СЕМЬЕ!

Он, как ядовитого паука, бросил трубку на рычаг.

После этого разразился один из самых ужасных за всё время скандалов.

– КАК ТЫ ПОСМЕЛ СООБЩИТЬ ЭТОТ НОМЕР ТАКИМ... ТАКИМ... ТАКИМ ЛЮДЯМ, КАК ТЫ! – вопил дядя Вернон, обрызгивая Гарри слюной.

Рон, очевидно, понял, что навлѣк на друга неприятности, и больше не звонил. И лучшая подруга Гарри по «Хогварцу», Гермиона Грэнжер, тоже не объявлялась. Гарри подозревал, что Рон посоветовал Гермионе не звонить, и это было очень жалко, ведь Гермиона, самая умная девочка в Гаррином классе, наверное, догадалась бы не сообщать с первых слов о том, в какой школе она учится.

Таким образом, в течение пяти долгих недель Гарри не получал от друзей никаких известий, и лето оборачивалось таким же невыносимым, как и предыдущее. Было только одно маленькое улучшение – поклявшись, что не станет использовать сову для посылки писем друзьям, Гарри получил разрешение выпускать Хедвигу по ночам. Дядя Вернон сдался, потому что Хедвига не выносила постоянного сидения в клетке и устраивала по ночам жуткий шум.

Гарри закончил писать про Везучку Венделин и снова прислушался. Тишина в спящем доме нарушалась лишь отдалѣнными раскатами храпа двоюродного брата Дудли. **Должно быть, сейчас уже очень поздно,** подумал Гарри. Глаза у него чесались от усталости. Может, закончить завтра ночью?...

Он завинтил крышку на чернильнице; вытащил из-под кровати старую наволочку; сложил в неё фонарик, «Историю магии», сочинение, перо и чернила; встал с кровати; и спрятал образовавшийся мешок под неприбитой половицей под кроватью. Затем он выпрямился, потянулся и посмотрел на светящийся циферблат будильника на прикроватном столике.

Час ночи. В животе что-то юркнуло. Сам того не подозревая, он уже час назад перешагнул порог своего тринадцатилетия.

Еще одной странностью Гарри было его безразличие к собственным дням рождения. За всю свою жизнь он не получил ни единой поздравительной открытки. Последние два дня рождения Дурслеи проигнорировали целиком и полностью, и не было никаких оснований считать, что они вспомнят о нём на этот раз.

Гарри прошѣл по неосвещенной комнате, мимо огромной пустой клетки Хедвиги, к раскрытому окну. Облокотился на подоконник. После долгого сидения под одеялом прохладный ночной ветерок приятно освежал лицо.

Хедвиги не было уже две ночи подряд. Гарри о ней не беспокоился: она и раньше улетала на такой срок. Но он очень ждал, чтобы она вернулась – сова была единственным живым созданием в доме, кто не ёжился при виде маленького колдуна.

Гарри, хотя и был по-прежнему невысоким и худеньким для своего возраста, всё же подрос за лето на пару дюймов. А вот его угольно-черные волосы оставались такими же, какими и были всегда – упрямыми, жёсткими, непослушными. Из-за стекол очков смотрели всё те же ярко-зеленые глаза, а на лбу сквозь чёлку отчётливо проглядывал тонкий зигзагообразный шрам.

Шрам Гарри был тоже очень необычным. Нет, он не был сувениром на память об автомобильной катастрофе, якобы убившей родителей Гарри, как лгали Дурслеи в течение десяти лет. Лили и Джеймс Поттеры погибли вовсе не в аварии. Их убил самый страшный злой колдун последнего столетия, Лорд Волдеморт. А вот Гарри пережил нападение, получив при этом всего-навсего шрам на лбу. Проклятие Волдеморта, вместо того, чтобы убить мальчика, отрикошетило в того, кто его наслал. Еле живой, Волдеморт исчез...

Но Гарри встретился с ним лицом к лицу в «Хогварце». Сейчас, у окна, вспоминая их последнюю встречу, Гарри должен был признать, что ему повезло – он сумел дожить до своего тринадцатилетия.

Он быстро обвел глазами небо – нет ли хоть малейшего намёка на появление Хедвиги. Вдруг она уже летит к нему с дохлой мышью в клюве и ждёт похвалы?... Рассеянно скользя взглядом по крышам, Гарри не сразу, а лишь через несколько секунд, осознал, **чтоже** он видит.

Вырисовываясь силуэтом на фоне золотой луны, с каждым мгновением увеличиваясь, к нему неровными скачками приближалось непонятное, кривобокое создание. Гарри стоял неподвижно и следил, как оно снижается. Какую-то долю секунды он колебался, держа руку на шпингалете – не закрыть ли окно? Но тут странное создание влетело в круг света под фонарем на Бирючиновой аллее, и Гарри, сразу догадавшись, что это такое, отпрыгнул в сторону.

В окно влетели три совы. Те, что по бокам, поддерживали между собой

третью, которая, кажется, была в обмороке. С мягким «плюх» они приземлились на кровать. Средняя сова, большая и серая, завалилась на бок и осталась лежать без движения. К ее лапкам был привязан большой свёрток.

Гарри сразу же узнал потерявшую сознание птицу – это был Эррол, он принадлежал семейству Уэсли. Гарри кинулся к кровати, отвязал верёвочки от лапок Эррола, снял пакет и отнёс несчастную птицу к клетке Хедвиги. Эррол открыл мутный глаз, еле слышно благодарно ухнул и начал жадно глотать воду.

Гарри повернулся к двум другим совам. Одна из них, снежно-белая самка, была его собственная Хедвига. Она тоже принесла пакет и была чрезвычайно горда собой. Любовно ущипнув хозяина кончиком клюва, когда он освободил ее от ноши, она перелетела на другой конец комнаты и присоединилась к Эрролу.

Третью сову, красивую рыжевато-коричневую, Гарри не знал, но сразу понял, откуда она прилетела, поскольку, в добавление к третьей посылке, она принесла письмо с гербом «Хогварца». Когда Гарри забрал у нее принесённые вещи, она важно распушила перья, расправила крылья и вылетела через окно в темноту ночи.

Гарри сел на кровать, схватил пакет, принесенный Эрролом, разорвал коричневую бумагу и обнаружил подарок в золотой упаковке и первую в своей жизни поздравительную открытку. Когда он открывал конверт, его пальцы немножко дрожали. Из конверта выпало два листка бумаги – письмо и вырезка из газеты.

Абсолютно очевидно, вырезка была сделана из волшебной «Прорицательской газеты», потому что люди на черно-белой фотографии двигались. Гарри взял вырезку, разгладил её и прочитал:

РАБОТНИК МИНИСТЕРСТВА МАГИИ

ВЫИГРЫВАЕТ ГЛАВНЫЙ ПРИЗ

Артур Уэсли, начальник отдела неправильного использования мугловых предметов быта, выиграл Главный Приз в ежегодной лотерее, проводимой «Прорицательской газетой».

Довольный мистер Уэсли сообщил нашему корреспонденту: «Мы потратим деньги на летнее путешествие в Египет, где наш старший сын Билл работает съёмщиком заклятий в банке „Гринготтс“.

Семья проведёт месяц в Египте и возвратится к началу учебного года в школе «Хогварц», которую в настоящее время посещают пятеро из детей Уэсли.

Гарри обвел глазами фотографию, и широкая улыбка расплзлась по его лицу: ему усиленно махали все девять Уэсли, стоящие перед огромной пирамидой. Маленькая пухленькая миссис Уэсли; высокий, лысеющий мистер Уэсли; шестеро сыновей и одна дочка, все (хоть на черно-белой фотографии этого и не было видно) с огненно-рыжими волосами. Прямо посередине стоял Рон, долговязый и нескладный, с ручной крысой Струпиком на плече. Одной рукой он обнимал за плечи Джинни.

Гарри не знал никого другого, кто больше бы нуждался в крупном выигрыше. Уэсли были невероятно милые и невероятно бедные люди. Гарри развернул письмо Рона.

Привет, Гарри!

С днем рождения!

Слушай, я страшно извиняюсь за тот звонок. Надеюсь, муглы не очень тебя гноили? Я спросил у папы, он говорит, что мне не следовало орать.

В Египте здорово. Билл водил нас по гробницам – ты не поверишь, каких только заклятий не наложили древние египетские жрецы! В последнюю гробницу мама даже не пустила Джинни. Там всякие скелеты-мутанты – это муглы, которые туда когда-то влезли, а теперь у них выросли лишние головы и всякое такое прочее.

Я обалдел, когда папа выиграл в лотерею «Прорицательской газеты». Семьсот галлеонов! Почти всё, правда, ушло на поездку. Но мне все равно купят новую палочку.

Гарри прекрасно помнил, при каких обстоятельствах сломалась старая волшебная палочка Рона. Это случилось, когда машина, на которой они с Роном прилетели в «Хогварц», при приземлении врезалась в дерево на

школьном дворе.

Мы вернёмся за неделю до начала учебного года и тогда поедem покупать палочку и учебники. Может, получится там встретиться?

Не давай муглам над собой издеваться!

Постарайся приехать в Лондон.

Рон

P.S. Перси стал лучшим учеником школы. На прошлой неделе ему прислали уведомление.

Гарри снова посмотрел на фотографию. Перси, который должен был пойти в седьмой, последний, класс «Хогварца», выглядел по-особенному респектабельно. Он приколот значок «Лучший ученик» к феске, элегантно сидевшей на аккуратно причесанных волосах. Роговая оправа очков сверкала на ярком египетском солнце.

Гарри распаковал подарок. Внутри оказалось нечто, похожее на стеклянный волчок. К этому была приложена еще одна записка от Рона.

Гарри! Это карманный горескоп. Если рядом с тобой находится кто-то, кому нельзя доверять, волчок должен начать светиться и вращаться. По крайней мере, мне так сказали. Билл, правда, говорит, что это барахло для туристов, и что на самом деле он ненадежный, потому что вчера вечером он светился и вертелся. Но Билл не знал, что Фред с Джорджем накидали ему жуков в суп.

Ну, пока!

Рон

Гарри поставил карманный горескоп на прикроватную тумбочку. Горескоп застыл неподвижно, балансируя на острой вершине. В нём отразились светящиеся стрелки будильника. Пару секунд Гарри со счастливым видом смотрел на горескоп, а потом обратился к свертку, который принесла Хедвига.

В этом свертке тоже находился запакованный подарок, поздравительная открытка и письмо, на сей раз от Гермионы.

Дорогой Гарри!

Рон написал мне письмо и рассказал, как он говорил по телефону с твоим дядей Верноном. Очень надеюсь, что с тобой все в порядке.

Я сейчас во Франции, и не знала, как послать тебе посылку – что, если бы её вскрыли на таможне – и тут вдруг появилась Хедвига! По-моему, ей очень хотелось, чтобы у тебя наконец-то был настоящий подарок ко дню рождения. То, что я тебе посылаю, я заказала по совиной почте; я видела рекламу в «Прорицательской газете» (мне ее сюда доставляют; приятно быть в курсе событий колдовского мира). Ты видел неделю назад фотографию Рона и всей их семьи? Я уверена, что он сейчас узнает много нового. Мне даже завидно – древнегипетские жрецы владели удивительными секретами.

Здесь тоже есть своя, местная, история колдовства. Мне даже пришлось переписать сочинение по истории магии, чтобы включить в него те сведения, которые я здесь получила. Надеюсь, профессор Биннз не сочтет сочинение слишком длинным – оно получилось на два свитка больше, чем он просил.

Рон говорит, что на последней неделе каникул приедет в Лондон. А ты сможешь приехать? Твои тетя и дядя тебя отпустят? Очень-очень надеюсь, что у тебя получится. А если нет, то увидимся в «Хогварц-Экспрессе» первого сентября!

С любовью,

Гермиона

P.S. Рон сказал, что Перси избрали лучшим учеником. Не сомневаюсь, что он очень гордится. А вот Рон, по-моему, не в восторге.

Гарри посмеялся и отложил письмо от Гермионы в сторону. Потом взял в руки подарок. Он был очень тяжелый. Зная Гермину, Гарри не сомневался, что найдет внутри толстенную книгу про какие-нибудь сложнейшие заклинания – но оказался не прав. Сердце у него сладостно сжалось, когда

он сорвал обертку и увидел черный, мягчайшей кожи, бювар. Серебряные буквы на крышке гласили: «Набор для техобслуживания метел».

– Ух ты! Ну, Гермиона! – восторженно прошептал Гарри, расстегивая молнию и заглядывая внутрь.

Там лежала большая банка шикблеска для древка фабрики «Короход», сверкающий секатор для подравнивания хвостовых хворостин, миниатюрный медный компас, прикрепляемый к древку на время длительных полетов, а также «Карманный справочник по техническому самообслуживанию метлы».

Во время каникул Гарри ужасно скучал не только по своим друзьям, но и по квиддишу, самой популярной спортивной игре колдовского мира – очень опасной и очень увлекательной. В нее играли на метлах. Гарри оказался превосходным летуном; он был самым молодым игроком столетия, допущенным в школьную команду. Одной из самых дорогих сердцу мальчика вещей была его гоночная метла «Нимбус 2000».

Гарри отложил кожаный бювар и взялся за последнюю посылку. Он сразу же узнал каракули, неровно выющиеся по коричневой бумаге: это был почерк Огрида, дворника «Хогварца». Гарри сорвал верхний слой упаковки и разглядел что-то кожистое, зеленое, однако, раньше, чем ему удалось как следует распаковать посылку, сверток странным образом содрогнулся, и то, что находилось внутри, громко клацнуло – будто бы зубами.

Гарри замер. Вряд ли Огрид мог намеренно прислать что-то опасное, но, с другой стороны, у Огрида был абсолютно уникальный взгляд на то, что опасно, а что нет. Огрид водил дружбу с гигантскими пауками, покупал свирепейших трехголовых псов у случайных собутыльников в пабе, тайком протаскивал в свою хижину яйца драконов...

Гарри опасливо потыкал сверток. Снова раздалось клацанье. Гарри потянулся за лампой, стоявшей на тумбочке, крепко схватил ее и занес над головой, готовый в любую минуту ударить. Затем, другой рукой, он взялся за остатки упаковки и потянул.

Из свертка выпала – книга. Гарри едва успел оценить красоту зеленой обложки, по которой, блистая золотом, шла надпись «**Чудовищная книга чудовищ**», а книга уже развернулась обрезом вниз и споро,

крабоподобными движениями, побежала по кровати.

– Ой-ёй, – тихонько бормотнул Гарри.

Книга с громким стуком свалилась с кровати и быстро заковыляла по комнате. Гарри крадучись отправился за ней. Книга спряталась под письменный стол в самое темное место. Молясь про себя, чтобы не проснулись Дурслеи, Гарри опустился на четвереньки и потянулся за беглянкой.

– Ай!

Книга, хлопнувшись, куснула его за руку, а потом проскочила мимо, ловко перебирая обеими сторонами переплета. Гарри на четвереньках побежал за ней, бросился всем телом и сумел прижать книгу к полу. В соседней комнате дядя Вернон громко заворчал во сне.

Хедвига с Эрролом с интересом наблюдали за Гарри, а он в это время, крепко зажав книгу ладонями, поспешил к комоду, достал ремень и туго стянул норовистое создание. «**Чудовищная книга**» сердито задёргалась, но больше не могла хлопать и кусаться, так что Гарри смог спокойно оставить ее на кровати и наконец прочитать открытку от Огрида.

Дорогой Гарри!

С днем рождения!

Думаю, эта книга скоро тебе пригодится для учёбы.

Больше ничего пока не буду говорить. Скажу, когда увидимся.

Муглы не слишком донимают?

Всего самого-самого,

Огрид

То, что Огрид посчитал кусачую книгу полезной для будущего учебного года, показалось Гарри зловещим предзнаменованием. Тем не менее, он положил открытку от Огрида рядом с открытками от Рона и Гермионы,

улыбаясь еще шире, чем раньше. Теперь оставалось только прочитать письмо из «Хогварца».

Обратив внимание на то, что пакет значительно толще, чем обычно, Гарри вскрыл конверт, вынул первый лист пергамента и прочитал:

Уважаемый мистер Поттер!

Уведомляем вас, что учебный год начинается первого сентября. «Хогварц-Экспресс» отправится в одиннадцать часов утра с вокзала Кингс-Кросс, платформа девять три четверти.

Сообщаем также, что учащимся третьего года обучения позволяется посещать деревню Хогсмёд по определенным выходным дням. Для этого родители или опекуны должны подписать прилагаемый документ-разрешение.

Также прилагается список необходимой литературы.

Искренне Ваша,

Профессор М. МакГонаголл,

Заместитель директора

Гарри достал разрешение. И перестал улыбаться. Было бы прекрасно иметь возможность ходить в Хогсмёд по выходным; он знал, что Хогсмёд – деревня, в которой живут одни колдуны, раньше он там никогда не был. Но каким, спрашивается, образом убедить тётю Петунию или дядю Вернона подписать разрешение?

Он взглянул на часы. Было уже два ночи.

Решив подумать о разрешении посещать Хогсмёд завтра, когда проснётся, Гарри забрался в постель и протянул руку, чтобы вычеркнуть ещё один день из самодельного календарика, показывавшего, сколько осталось до возвращения в «Хогварц». Затем снял очки и лёг с открытыми глазами, любуясь на поздравительные открытки.

Каким бы необыкновенным ни был Гарри, сейчас он чувствовал то же

самое, что и любой нормальный ребенок на его месте – он был счастлив, впервые в жизни, что у него день рождения.

Глава вторая.

Большая ошибка тети Маржи

Когда наутро Гарри спустился к завтраку, Дурслеи уже восседали за кухонным столом. Они смотрели телевизор последней модели, подарок для Дудли по случаю его приезда на каникулы, а то раньше он всё жаловался, что от телевизора в гостиной до холодильника очень далеко ходить. Большую часть этого лета Дудли провёл на кухне. Его свинные глазки были постоянно прикованы к экрану, а все пять подбородков постоянно тряслись от непрекращающегося жевания.

Гарри сел между Дудли и дядей Верноном, крупным и мясистым, почти совсем без шеи, зато с длинными усами. Гарри не то что не поздравили с днем рождения, наоборот, никто из членов семейства и ухом не повел в знак того, что его приход замечен. Впрочем, Гарри это не волновало. Он взял со стола бутерброд и тоже уставился в экран на диктора, который заканчивал репортаж о сбежавшем заключенном:

«...общественность предупреждена, что Блэк вооружен и чрезвычайно опасен. Организована специальная телефонная горячая линия. Просьба, в случае малейшего намека на появление Блэка, немедленно сообщать об этом.»

– Нечего нам рассказывать, какой он плохой, – фыркнул дядя Вернон, сурово глядя поверх газеты на фотографию заключенного. – И так видно! Только посмотрите, какой он грязный! Одни волосы чего стоят!

Он брезгливо покосился на Гарри, чьи непослушные волосы служили дяде неизбывным поводом для раздражения. Впрочем, если сравнивать с изображением в телевизоре – по бокам изможденного лица беглого преступника свисали длинные тусклые космы – Гарри был очень даже аккуратно причесан.

На экране вновь появился диктор.

– Министерство сельского хозяйства и рыболовства сегодня намерено объявить...

– Эй, постойте! – гавкнул дядя Вернон, гневно обращаясь к диктору. – Вы нам даже не сказали, откуда сбежал этот маньяк! Что это за новости такие? Может быть, он бродит прямо здесь, по нашей улице!

Тётя Петуния, костлявая женщина с лошадиным лицом, круто развернулась и пристально вгляделась в окно. Гарри прекрасно знал, что тётя Петуния была бы счастлива оказаться первой, кто позвонит по горячей линии. Она была самой любопытной дамой на свете и проводила большую часть жизни, шпионя за скучными, законопослушными соседями.

– Ну когда же до них наконец **дойдёт**, – тут дядя Вернон стукнул по столу громадным сизым кулаком, – что таких мерзавцев надо вешать и только вешать!

– Совершенно справедливо, – кивнула тётя Петуния, до сих пор подозрительно щурившаяся на увитый горошком соседский забор.

Дядя Вернон осушил чашку, посмотрел на часы и сказал:

– Кажется, мне лучше поторопиться, Петуния. Поезд Маржи приходит в десять.

Гарри, до этого момента мыслями пребывавший наверху с «Набором по техобслуживанию метел», свалился с небес на землю.

– Тётя Маржи? – выпалил он. – Она... она разве приезжает?...

Тётя Маржи приходилась родной сестрой дяде Вернону. Хотя она и не являлась кровной родственницей Гарри (чья мама была сестрой тёти Петунии), его заставляли называть её «тётей». Тётя Маржи жила в деревне, в доме с большим садом. Она выращивала бульдогов и не очень часто гостила на Бирючиновой аллее, поскольку не могла надолго оставить своих драгоценных собачек. Тем не менее, каждый её визит оставлял в памяти Гарри отдельный и ужасный след.

На пятый день рождения Дудли тётя Маржи пребольно побила Гарри палкой по ногам, чтобы он прекратил обыгрывать «нашего крошку» в «море волнуется». Несколькими годами позже она появилась на Рождество с компьютеризированным роботом для Дудли и коробкой собачьего корма для Гарри. В последний её приезд, за год до того, как Гарри поступил в «Хогварц», он нечаянно наступил на хвост любимой тётиной собаки. Рваклер загнал Гарри на дерево в саду, и тётя Маржи отказывалась отозвать пса до самой ночи. Воспоминание об этом случае до сих пор до слёз веселило Дудли.

– Маржи пробудет неделю, – рявкнул дядя Вернон, – и, раз уж мы затронули эту тему, – он угрожающе поднял жирный палец, – нужно обсудить кое-что до того, как я привезу её.

Дудли ослабил и оторвал замутнённый взор от телевизора. Смотреть, как папа третирует Гарри, было для Дудли самым интересным развлечением.

– Во-первых, – прогрохотал дядя Вернон, – следи за своим поганым языком, когда будешь разговаривать с Маржи.

– Ладно, – горько сказал Гарри, – если она тоже последит.

– Во-вторых, – продолжал дядя Вернон так, словно не слышал слов племянника, – поскольку Маржи ничего не знает о твоей **ненормальности**, я не желаю никаких... никаких дурацких штучек, пока она здесь. Изволь вести себя прилично, ясно?

– Если она тоже будет вести себя прилично, – проговорил Гарри сквозь сжатые зубы.

– А в-третьих, – процедил дядя Вернон, и злобные маленькие глазки превратились в щёлки на багровом лице, – мы сказали Маржи, что ты учишься в заведении св.Грубуса – интернате строгого режима для неисправимо-преступных типов.

– Что?! – проорал Гарри.

– И ты будешь поддерживать эту версию, парень, а то пожалеешь, – будто выплюнул дядя Вернон.

Гарри сидел за столом с побелевшим от ярости лицом, отказываясь верить в происходящее. Тётя Маржи приезжает на целую неделю!... Худший подарок ко дню рождения, который только могли придумать Дурслеи – даже если принять во внимание ту пару старых носков дяди Вернона.

– Что ж, Петуния, – произнес дядя Вернон, тяжело поднимаясь на ноги, – я поехал на вокзал. Хочешь покататься, Дудличка?

– Не-а, – ответил Дудли, вновь с головой ушедший в телевизор, теперь, когда дядя Вернон прекратил ругать Гарри.

– Дудлику надо принарядиться для тётушки, – промурлыкала тётя Петуния, разглаживая светлые густые волосы Дудли. – Мамочка купила ему красивенький новенький галстучек.

Дядя Вернон обхватил ладонью плотное плечо сына.

– Тогда до встречи, – и он вышел из кухни.

Гарри, парализованного от ужаса, посетила неожиданная идея. Он бросил бутерброд, вскочил на ноги и направился следом за дядей.

Тот натягивал дорожную куртку.

– **Тебя** я не звал, – рыкнул он, когда заметил, что Гарри стоит у него за спиной.

– А мне и не надо, – холодно ответил Гарри. – Я хочу кое о чём попросить.

Дядя Вернон с подозрением смерил его взглядом.

– Третьеклассникам в «Хог...» – в моей школе – разрешается посещать ближайшую деревню, – сказал Гарри.

– И что? – коротко бросил дядя Вернон, снимая ключи от машины с крючочка возле двери.

– Мне нужно, чтобы вы подписали разрешение, – поспешно закончил Гарри.

– С какой стати мне это делать? – скривился дядя Вернон.

– Ну-у, – протянул Гарри, тщательно подбирая слова, – это будет нелегко, притворяться перед тётей Маржи, что я учусь в этом, святом Как-его-там...

– В заведении св.Грубуса – интернате строгого режима для неисправимо-преступных типов! – пророкотал дядя Вернон, и Гарри с удовольствием уловил в его голосе панические нотки.

– Совершенно верно, – сказал Гарри, спокойно глядя в огромное, багровое лицо дяди. – Очень длинное название. А ведь нужно, чтобы я произносил его без запинки, правда? Что, если я случайно что-нибудь упущу?

– Тогда я из тебя всю начинку вытрясу, понял? – загремел дядя Вернон и пошёл на Гарри с поднятыми кулаками. Но Гарри не уступал.

– Это не поможет тёте Маржи забыть, что я ей скажу, – хмуро проговорил он.

Дядя Вернон остановился, всё ещё держа кулаки над головой, с лицом гадкого красно-коричневого цвета.

– А если вы подпишете разрешение, – поспешно продолжил Гарри, – я поклянусь, что буду помнить, где я якобы учусь и буду вести себя как муг... как нормальный и всё такое.

Было ясно, что дядя Вернон обдумывает его предложение, несмотря на оскаленные от ярости зубы и жилку, бьющуюся на виске.

– Идёт, – бросил он в конце концов, – но я намерен внимательно следить за твоим поведением, пока Маржи будет здесь. Если до самого конца ты будешь всё делать, как я сказал, и придерживаться моей версии, то я подпишу твоё идиотское разрешение.

Он повернулся на каблуках, распахнул входную дверь, а потом захлопнул её за собой с такой силой, что выпало одно из витражных стёкол.

Гарри не стал возвращаться в кухню. Он пошёл в свою комнату. Если ему предстоит вести себя по-мугловому, то лучше начать прямо сейчас. Медленно и печально он собрал все свои подарки и поздравительные

открытки и спрятал их под доской рядом с сочинением. Затем подошёл к свиной клетке. Эррол совсем пришёл в себя; они с Хедвигой спали рядышком, сунув головы под крылья. Гарри вздохнул и разбудил обоих, потыкав пальцем.

– Хедвига, – мрачно сказал он, – тебе придётся убраться отсюда на неделю. Лети с Эрролом. Рон за тобой присмотрит. Я напишу ему и всё объясню. И не смотри на меня так, – большие янтарные глаза Хедвиги глядели с укором, – я не виноват. Только так я получу разрешение ходить в Хогсмёд вместе с Роном и Гермионой.

Через десять минут Эррол и Хедвига (с запиской к Рону, привязанной к лапке) вылетели из окна и скрылись из виду. Гарри, чувствуя себя глубоко несчастным, убрал клетку в шкаф.

Однако, у него практически не осталось времени на размышления о своей печальной судьбе. Казалось, не прошло и мгновения, как снизу уже раздались вопли тёти Петунии. Она кричала, чтобы Гарри спустился и приготовился встречать гостью.

– Сделай что-нибудь со своими волосами! – рявкнула она, едва только он вошёл в холл.

Гарри не мог понять одного – зачем. Тётя Маржи обожала критиковать его, поэтому, чем неопрятнее он будет выглядеть, тем лучше для неё.

Более чем скоро со двора донеслось шуршание гравия – это въезжала машина дяди Вернона; затем хлопнули дверцы, затем на садовой дорожке послышались шаги.

– Открой дверь! – прошипела тётя Петуния.

С ощущением черного мрака в душе Гарри отворил дверь.

На пороге стояла тётя Маржи. Она была точной копией дяди Вернона: большая, мясистая, даже с усами, правда, не такими кустистыми, как у брата. В одной руке она несла необъятных размеров чемодан, а другой она держала подмышкой старого бульдога с чрезвычайно дурным характером.

– Где тут мой Дуделька? – забасила тётя Маржи. – Где тут мой

племяшечек?

Дудли, загребая ногами, вошёл в холл. Его блондинистые волосы были плотно прилеплены к жирной голове. Бабочку было трудно разглядеть под многочисленными подбородками. Тётя Маржи пхнула чемодан в живот Гарри, совершенно вышибив из него дух, сжала Дудли в одnorуком объятии и посадила влажный поцелуй на жирную щеку племянника.

Гарри прекрасно знал, что Дудли терпит ласки тёти Маржи только потому, что получает за это неплохие деньги. В самом деле, когда объятие наконец распалось, у Дудли в толстом кулаке оказалась зажата двадцатифунтовая банкнота.

– Петуния! – закричала тётя Маржи, проходя мимо Гарри так, словно он был вешалкой для шляп. Тётя Маржи и тётя Петуния поцеловались, а точнее, тётя Маржи стукнулась мощной челюстью в костлявую щёку тёти Петунии.

С радостной улыбкой на устах вошёл дядя Вернон и закрыл за собой дверь.

– Чайку, Марж? – спросил он. – А что будет Рваклер?

– Рваклер попьёт чаю из моего блюдечка, – ответила тётя Маржи, и все трое направились в кухню, оставив Гарри одиноко стоять в холле с чемоданом в руках. Гарри не жаловался; всё что угодно, лишь бы поменьше быть с тётей Маржи. Он потащил чемодан в комнату для гостей и постарался, чтобы это заняло как можно больше времени.

К тому моменту, когда он вернулся на кухню, тётю Маржи уже снабдили чаем и фруктовым пирогом. В углу Рваклер шумно лакал из блюдечка. Гарри увидел, что тётя Петуния едва заметно морщится всякий раз, когда капли чая и слюны падают на её чистейший пол. Тётя Петуния ненавидела животных.

– А кто присматривает за остальными собаками, Марж? – поинтересовался дядя Вернон.

– О, я оставила при них полковника Бруствера, – загремела в ответ тётя Маржи. – Старик теперь в отставке, ему полезно чем-нибудь заняться. Но беднягу Рваклера пришлось взять с собой. Он без меня чахнет.

Рваклер завыл, увидев, что Гарри сел за стол. Это заставило тётю Маржи в первый раз обратить внимание на мальчика.

– Ну! – пролаяла она. – Всё ещё здесь?

– Да, – ответил Гарри.

– Не говори «да» таким неблагодарным тоном, – зарычала тётя Маржи. – Со стороны Вернона и Петунии было на редкость благородно оставить тебя в доме. Я бы не стала. Если бы тебя подбросили **ко мне** на порог, ты бы отправился напрямик в приют.

Гарри так и подмывало сказать, что он бы с большим удовольствием жил в детском доме, чем у Дурслеев, но мысль о разрешении посещать Хогсмёд остановила его. Он через силу улыбнулся.

– Чего ты лыбишься?! – взорвалась тётя Маржи. – Вижу, ты несколько не исправился с тех пор, как я видела тебя в последний раз. Я-то надеялась, что в школе в тебя вобьют хоть чуточку хороших манер. – Она основательно отхлебнула из чашки, утёрла усы и продолжила: – Как там это называется, куда вы его отослали, а, Вернон?

– К св.Грубусу, – заторопился с ответом дядя Вернон. – Первоклассное заведение для безнадежных случаев.

– Понятно, – сказала тётя Маржи. – А скажи-ка нам, мальчишка, там, в этом св.Грубусе, применяют телесные наказания? – рявкнула она с другого конца стола, обращаясь к Гарри.

– М-м-м...

Дядя Вернон коротко кивнул из-за спины сестры.

– Да, – ответил Гарри. Затем, почувствовав прилив вдохновения, добавил: – постоянно.

– Отлично, – одобрила тётя Маржи. – Я не признаю все эти сюси-пуси, что, дескать, нельзя бить детей, даже если они это заслужили. Хорошая плётка – лучший учитель в девяносто девяти случаях из ста. Ну, а **тебя** часто наказывают?

– О, да, – подтвердил Гарри, – ещё как часто.

Тётя Маржи сердито прищурилась.

– Всё-таки не нравится мне твой тон, – заявила она. – Если ты преспокойно говоришь о том, что тебя бьют, значит, тебя бьют не слишком сильно. Петуния, на твоём месте я написала бы им. Дай им понять, что у тебя нет никаких возражений относительно применения самых суровых наказаний к этому мальчишке.

Похоже, дядя Вернон заопасался, что Гарри может забыть об их сделке; во всяком случае, он резко переменял тему:

– Слыхала утром новости, Марж? Как тебе нравится этот сбежавший преступник, а?

Тётя Маржи быстро обустроивалась на новом месте, а Гарри поймал себя на том, что чуть ли не с ностальгической тоской думает о жизни в доме №4 без неё. Дядя Вернон и тётя Петуния только приветствовали, если племянник не путался у них под ногами, и Гарри это более чем устраивало. А вот тёте Маржи, наоборот, нравилось, чтобы он был перед глазами, чтобы она могла постоянно вносить громогласные предложения по его «исправлению». Она обожала сравнивать Гарри и Дудли. Также, совершенно несравнимое удовольствие доставляла ей покупка какого-нибудь огромного дорогого подарка для Дудли. При этом она так пожирала глазами Гарри, словно только и ждала момента, когда тот решится спросить, отчего и он не получил подарка. Она постоянно бросала мрачные намёки по поводу того, что именно сделало Гарри настолько неудобоваримой личностью.

– Ты не должен винить себя за то, каким вырос этот мальчишка, Вернон, – сказала она за ланчем на третий день. – Если внутри с гнильцой, так никто ничего не сможет поделать.

Гарри очень старался сосредоточиться на еде, но его руки затряслись, а лицо загорелось от гнева. Помни о разрешении, твердил он про себя. Думай о Хогсмёде. Не злись...

Тётя Маржи потянулась за бокалом.

– Один из основных принципов племенного дела, – произнесла она, – с собаками я постоянно с этим сталкиваюсь. Если с сукой что-то не так, непременно что-то будет не так и со щен...

В этот момент бокал взорвался у неё в руке. Осколки разлетелись по всем направлениям. Тётя Маржи захлебнулась и заморгала. С багрового лица текли капли.

– Маржи! – возопила тётя Петунья. – Маржи! Ты не поранилась?

– Чепуха, – пророкотала тётя Маржи, промокая физиономию салфеткой. – Должно быть, чересчур крепко сдавила. Не так давно со мной случилось то же самое у полковника Бруствера. Не суетись, Петунья... у меня слишком крепкая рука.

Однако, тётя Петунья и дядя Вернон подозрительно уставились на Гарри, и он решил не есть десерт, а лучше убраться из-за стола подобру-поздорову.

Он вышел из холла и прислонился к лестнице, тяжело дыша. Уже очень давно он не терял над собой контроль до такой степени, чтобы что-нибудь взорвалось. И больше он не может себе такого позволить. Не только из-за разрешения ходить в Хогсмёд – просто, если он будет продолжать в таком духе, то наживёт неприятности с министерством магии.

Ведь Гарри всё ещё был несовершеннолетним колдуном. Законы колдовского мира запрещали ему заниматься магией вне стен школы. А за ним уже водились кое-какие грешки. В прошлом году, например, он получил официальное предупреждение, где очень чётко говорилось о том, что, если до министерства магии дойдут ещё хоть какие-то сведения о колдовстве на Бирючиновой аллее, то Гарри угрожает отчисление из «Хогварца».

Мальчик услышал, что Дурслеи встают из-за стола, и поспешил убраться наверх.

Следующие три дня Гарри продержался за счёт того, что заставлял себя мысленно цитировать «Карманный справочник по техническому самообслуживанию метлы» всякий раз, как тётя Маржи начинала его воспитывать. Это хорошо помогало, хотя, кажется, от этого у него делались стеклянные глаза – тётя Маржи начала вслух высказывать предположение,

что Гарри, скорее всего, умственно отсталый.

Наконец, пришёл долго-долго-жданный прощальный вечер. Тётя Петуния приготовила необыкновенный ужин, а дядя Вернон откупорил несколько бутылок доброго вина. Суп и лосось были съедены без единого упоминания о недостатках Гарри; за лимонным воздушным тортом дядя Вернон долго и утомительно рассказывал о «Груннингсе», своей фирме, производящей свёрла; затем тётя Петуния сварила кофе, и дядя Вернон достал бутылочку бренди.

– Соблазнишься, Марж?

Тётя Маржи уже выпила порядочное количество вина. Её огромное лицо было очень красным.

– По маленькой, давай, – хихикнула она. – Ну, ещё чуть-чуть, не жадничай... ещё... так-так-так... отлично!

Дудли уминал четвёртый кусок торта. Тётя Петуния, оттопырив мизинчик, малюсенькими глоточками тянула кофе. Гарри ужасно хотел незаметно слить в свою комнату, но встретился взглядом с сердитыми глазами дяди Вернона и понял, что лучше не вставать с места.

– Аах, – протянула довольная тётя Маржи, облизала губы и поставила пустой бокал на стол. – Великолепное угощение, Петуния. Я ведь обычно по вечерам успеваю лишь наспех перекусить, с моей-то сворой... – она сыто отрыгнула и похлопала рукой по могучему твидовому животу. – Прошу прощения. И, должна вам сказать, мне доставляет удовольствие видеть перед собой упитанных детей, – продолжила она, подмигнув Дудли. – Ты вырастешь настоящим, солидным мужчиной, Дуделёчек, таким же, как твой папочка. Да, пожалуйста, ещё са-а-амую малость бренди, Вернон...

– А что касается вот этого...

Она дёрнула головой в сторону Гарри, у которого немедленно напряглись все мышцы живота. **Справочник**, подумал он быстро.

– Поглядите на этого злобного карлика! То же самое и с собаками. В прошлом году пришлось просить полковника Бруствера утопить одного

такого. Такой был крысёныш!... Слабый. Недокормленный.

Гарри лихорадочно вспоминал страницу двенадцать: «Заклинание против неохотного поворота».

– Я тут как-то на днях говорила: «всё дело в крови». Дурная кровь себя проявит. Не подумай, я ничего не имею против твоей семьи, Петунья, – она похлопала тётю Петунью по костлявой руке ладонью, похожей на лопату, – но твоя сестра оказалась паршивой овцой. Такие появляются даже в самых лучших семьях. К тому же она сбежала с каким-то бандюгой – и вот результат, у нас перед глазами.

Гарри неподвижно смотрел в тарелку. В ушах стоял странный звон. **Крепко ухватитесь за хвост метлы**, твердил он про себя. Но что шло дальше, уже не мог вспомнить. Голос тёти Маржи вонзался в мозг, как сверло фирмы дяди Вернона.

– Этот Поттер, – громким басом выкрикнула тётя Маржи, схватила бутылку и плеснула бренди себе в бокал и на скатерть, – чем он, собственно, занимался? Вы никогда не говорили.

Дядя Вернон и тётя Петунья ужасно напряглись. Даже Дудли поднял глаза от торта и посмотрел на родителей.

– Он... не работал, – ответил дядя Вернон, едва взглянув на Гарри. – Был безработный.

– Так я и думала! – победно крикнула тётя Маржи, отхлебнула бренди и утёрла подбородок рукавом. – Никчёмный, бесполезный, бездельник, попрошайка, который...

– Ничего подобного, – выпалил Гарри, сам того не ожидая. Все затихли. Гарри дрожал с головы до ног. Он ещё никогда не был так возмущён.

– ЕЩЁ БРЕНДИ! – проорал дядя Вернон, сильно побелевший. – А ты, парень, – рявкнул он на Гарри, – марш в постель, быстро...

– Нет уж, Вернон, – икнула тётя Маржи, поднимая руку. Её маленькие красные глазки злобно остановились на Гарри. – Давай, дружок, продолжай. Гордишься своими родителями, да? Они, значит, разбиваются на машине (в

пьяном виде, я так думаю)...

– Они погибли вовсе не в автокатастрофе! – крикнул Гарри. Он с удивлением обнаружил, что вскочил на ноги.

– Они погибли в катастрофе, мерзкий врунишка, а ты тяжёлой обузой свалился на своих добропорядочных, трудолюбивых родственников! – завопила тётя Маржи, раздуваясь от злости. – Ты наглый, неблагодарный...

Но тётя Маржи вдруг перестала говорить. Сначала казалось, что у неё нет слов от возмущения. Её раздувало от невыразимого гнева – но этот процесс не останавливался. Громадное красное лицо распухло, маленькие глазки выкатились, рот растянулся слишком широко и уже не мог произносить слова – вот уже и пуговицы с твидового пиджака выстрелили по стенам – тётя надувалась как гигантский воздушный шар, живот вырвался из плена твидового пояса, пальцы напоминали салями...

– МАРЖИ! – испуганно закричали хором дядя Вернон и тётя Петунья, когда тело тёти Маржи взмыло с кресла и начало подниматься к потолку. Она стала абсолютно шарообразной – живой бакен со свиноподобными глазками; руки-ноги по-дурацки торчали в разные стороны; тётя плыла по воздуху, издавая апоплексические лопающиеся звуки. Рваклер вкатился в комнату. Он лаял, как сумасшедший.

– НЕЕЕЕЕЕТ!

Дядя Вернон ухватил сестру за ногу и попытался потянуть её вниз, но вместо этого сам чуть не улетел. Через мгновение Рваклер бросился и вонзил зубы в ногу дяди Вернона.

Гарри, раньше чем кто-либо успел его остановить, сорвался с места и помчался к шкафу под лестницей. Дверцы волшебным образом распахнулись, стоило ему лишь протянуть к ним руку. За доли секунды он подтащил свой сундук к входной двери. Потом взлетел на второй этаж и стрелой бросился под кровать. Откинул в сторону половицу и выволок наволочку с книжками и подарками. Извиваясь угрём, вылез из-под кровати, подхватил пустую совиную клетку и понёсся вниз к сундуку. Как раз в это время из столовой выбежал дядя Вернон, с окровавленными лохмотьями вместо одной из брючин.

– ВЕРНИСЬ! – вопил он. – ВЕРНИСЬ И ИСПРАВЬ ЕЁ!

Но мальчиком уже овладела неконтролируемая ярость. Он пинком раскрыл сундук, вытащил волшебную палочку и наставил её на дядю.

– Она это заслужила, – часто дыша, сказал Гарри, – она получила по заслугам. Держитесь от меня подальше.

Он зашарил у себя за спиной в поисках дверной задвижки.

– Я ухожу, – объявил Гарри, – с меня хватит.

И, в следующее мгновение, он уже брёл по пустынной ночной улице, с клеткой подмышкой, волоча за собой сундук.

Глава третья.

Грандулет

Гарри успел пройти несколько улиц, прежде чем, у Магнолиевого проезда, опустился без сил на низкую ограду. Он тяжело отдувался – тащить сундук было нелегко. Гарри сидел совершенно неподвижно. Гнев волнами курсировал по телу, сердце бешено билось в груди.

Десять минут пребывания в одиночестве на тёмной улице принесли с собой новое чувство: панику. С какой стороны ни взгляни, в худший переплёт ему ещё не доводилось попадать. Совсем один, ночью, в мире муглов. Идти некуда. И, самое ужасное – наколдовал столько, что этого точно хватит для исключения из «Хогварца». Гарри до такой степени нарушил положения декрета о разумных ограничениях колдовства среди несовершеннолетних, что оставалось только удивляться, почему до сих пор не явились представители министерства. По идее, они должны были бы уже схватить его прямо здесь, где он сейчас сидит.

Гарри содрогнулся и из конца в конец оглядел Магнолиевый проезд. Что с ним теперь будет? Его арестуют? А может быть, он станет изгоем? Он подумал о Роне с Гермионой и совсем пал духом. Гарри не сомневался, что друзья помогли бы ему, неважно, преступник он или нет, но они оба находились за границей, Хедвиги не было, а следовательно, не было и способа связаться с ними.

К тому же, у него совсем нет мугловых денег. В кошельке на дне сундука лежало немного колдовского золота, но остальная часть доставшегося от родителей состояния хранилась в сейфе банка «Гринготтс» в Лондоне. Ему никогда не дотащить этот сундук до Лондона... Если только...

Он взглянул на палочку, которую всё ещё сжимал в руке. Раз уж его так или иначе исключат (сердце забилося быстрее и болезненнее), то можно поколдовать ещё немного. У него есть плащ-невидимка, доставшийся в

наследство от отца – что, если сделать сундук лёгким как пёрышко, привязать его к метле, накрыться плащом и полететь в Лондон? Тогда он сможет забрать остаток денег из банка и... начать жить изгнанником. Перспектива, что и говорить, безрадостная, но не сидеть же ему вечно на этой ограде, а то ещё, чего доброго, придётся иметь дело с мугловой полицией, объяснять, чем он занимается здесь среди ночи и зачем ему метла и сундук книг с заклинаниями.

Гарри открыл сундук и пошарил внутри, пытаясь отыскать плащ-невидимку – но, так и не найдя, вдруг выпрямился и оглянулся.

Он чувствовал странное покалывание в затылке и шее. И понял, что за ним кто-то наблюдает. Однако, улица была совершенно пуста, и свет не горел ни в одном из окрестных, больших и квадратных, домов.

Мальчик снова наклонился над сундуком и, практически тут же, снова выпрямился, крепко сжав в кулаке палочку. Он скорее ощутил, чем услышал: позади, в узком проходе между гаражом и забором, стоял кто-то... или что-то. Гарри прищурился, всмотрелся в черноту. Если бы оно пошевелилось, он бы понял, что это – бродячая кошка или... что-то другое.

– **Люмос**, – пробормотал Гарри, и свет зажёгся на кончике волшебной палочки, почти ослепив его. Он поднял палочку высоко над головой. По выложенным каменной крошкой стенам дома №2 пробежал отсвет; тускло блеснула дверь гаража, и между гаражом и забором Гарри увидел, очень отчётливо, сгорбленный силуэт кого-то очень большого, с широко расставленными горящими глазами.

Гарри отшатнулся. Он споткнулся о сундук и упал. Гарри попытался рукой смягчить падение, пальцы разжались, и палочка выпала. Он тяжело шмякнулся на обочину дороги...

Раздалось оглушительное «БАММ!», и Гарри вскинул руки, загородился от невесть откуда взявшегося ослепительного света...

С криком Гарри откатился назад на тротуар, как раз вовремя. Секунду спустя две сверкающих фары и два гигантских колеса с раздирающим скрежетом остановились как вкопанные ровно на том месте, где он только что лежал. Колёса и фары, задрав голову, увидел Гарри, принадлежали трёхэтажному, интенсивно-фиолетовому автобусу, появившемуся

буквально из воздуха. Поверх ветрового стекла шла золотая надпись: «ГрандУлет».

В первое мгновение Гарри решил, что от удара об землю у него начались галлюцинации. Но тут из автобуса выскочил кондуктор в фиолетовой униформе и громко заговорил в пространство:

– Добро пожаловать в «ГрандУлёт», спасательный экипаж для колдунов и ведьм, оказавшихся в затруднительном положении. Выбросите палочку, взойдите на борт, и мы отвезём вас куда пожелаете. Меня зовут Стэн Стражёр, этой ночью я буду вашим проводни...

Кондуктор резко оборвал свою речь. Он заметил Гарри, по-прежнему сидевшего на земле. Гарри подобрал палочку и кое-как поднялся на ноги. Вблизи, он разглядел, что Стэн Стражёр всего на несколько лет старше его самого. Кондуктору было от силы лет восемнадцать-девятнадцать. У него были большие, оттопыренные уши и порядочное количество прыщей.

– Чёйта ты тут делаешь? – спросил Стэн, оставив профессиональные манеры.

– Упал, – ответил Гарри.

– Ачевойта ты упал? – ухмыльнулся Стэн.

– Я не специально, – пояснил Гарри раздражённо. Джинсы были порваны на коленке, а рука, на которую он приземлился, саднила и кровоточила. Он вдруг вспомнил, почему упал и оглянулся. Фары «ГрандУлёта» заливали светом проход между гаражом и забором, и там никого не было.

– Чёйта ты туда зыришь? – заинтересовался Стэн.

– Там было что-то большое и чёрное, – сказал Гарри, неуверенно показывая в проход. – Вроде собаки... только больше...

Он посмотрел на Стэна. Тот стоял, слегка приоткрыв рот. Гарри почувствовал себя очень неловко, когда понял, что Стэн шарит взглядом по его шраму. Если министерство магии уже объявило розыск, он не собирается облегчать им задачу.

– Как ты звать? – действительно спросил Стэн.

– Невилль Длиннопопп, – брякнул Гарри первое, что пришло в голову. – А что – этот автобус, – он быстро сменил тему разговора, стараясь отвлечь Стэна, – ты сказал, он отвезёт меня, **куда я пожелаю?**

– Ага, – гордо объявил Стэн, – куда пожелаешь, ежели на земле. А под водой мы ничё не могём. Слуш, – подозрительно спросил он, – ты вить вправду нам **сигналил**, верноть? Выбросил палочку, все дела? А?

– Да, – заверил его Гарри, – послушай, а за сколько вы меня довезёте до Лондона?

– За одиннадцать сиклей, – сказал Стэн, – тока за тринадцать те ещё дадут какавы, а за пятнадцать – ‘орячей воды и зубную щётку какова хошь цвету.

Гарри ещё раз пошарил в сундуке, извлёк оттуда кошелёк и сунул монеты в протянутую ладонь Стэна. Затем они вместе подняли сундук – клетка Хедвиги балансировала на крышке – и по ступенькам занесли его в автобус.

Кресел внутри не было; вместо этого у занавешанных окон стояло около полудюжины медных кроватей. Прикреплённые возле каждой кровати свечи в подсвечниках озаряли обшитые деревом стены. В задней части автобуса крохотный колдун в ночном колпаке пробормотал во сне: «не сейчас, спасибо, я мариную улиток» и перевернулся на другой бок.

– Ты ‘авай сюда, – шепнул Стэн, заталкивая сундук Гарри под кровать прямо за водительским креслом. – Ета наш шофёр, Эрни Катастрофель. А ета Невилль Длиннопопп, Эрн.

Эрни Катастрофель, пожилой колдун в очках с очень толстыми стеклами, кивнул Гарри. Тот опять нервно пригладил чёлку и сел на кровать.

– Сваливаем, Эрн, – сказал Стэн, усаживаясь в кресло рядом с шофёрским.

Раздалось ещё одно впечатляющее «БАММ!», и Гарри мгновенно повалился на спину, отброшенный назад бешеным стартом «ГрандУлёта». Кое-как приподнявшись, Гарри выглянул в окно и увидел, что автобус мчится по уже совершенно другой улице. Стэн с большим удовлетворением следил за ошарашенным лицом мальчика.

– Эта мы отсюдова прикатили, када ты просигналил, – объяснил он. – Гдейта мы, Эрн? Гдейта в Уэльсе?

– Ага, – буркнул Эрн.

– А почему муглы не слышат ваш автобус? – поинтересовался Гарри.

– Муглы! – презрительно хмыкнул Стэн. – Да слушать не умеют! И смотреть тоже. Ничё никада не замечают, куды им.

– Ты б разбудил мадам Марш, Стэн, – вмешался Эрн. – Вот-вот прибудем в Абергавенни.

Стэн прошёл мимо Гарриной кровати и исчез из виду, взойдя вверх по узкой деревянной лестнице. Гарри продолжал смотреть в окно, и его беспокойство усиливалось. Эрн, похоже, не слишком-то здорово владел рулём. «ГрандУлёт» постоянно заезжал на тротуар, хотя при этом ни во что не врезался; фонари, почтовые ящики, мусорные баки отпрыгивали в стороны при его приближении, а после вставали на место.

Вернулся Стэн. За ним брела бледная до зелени ведьма, укутанная в дорожную мантию.

– Прибыли, мадам Марш, – радостно объявил Стэн. Эрн вдавил тормоз в пол; кровати съехали на целый фут к центру автобуса. Мадам Марш, прижав к губам носовой платочек и семена ножками, сошла вниз по ступенькам. Стэн выбросил ей вслед сумку и со всей молодецкой силы захлопнул дверь; снова раздалось оглушительное «БАММ!», и автобус загромыхал по узкой деревенской дороге, деревья запрыгали в стороны.

Гарри не заснул бы в любом случае, даже если бы автобус не грохотал и не скакал туда-сюда на целые сотни миль за одно мгновение. Гарри вернулся к размышлениям о том, что с ним теперь будет, и удалось ли Дурслеям достать с потолка тётю Маржи. У него заныло в животе.

Стэн развернул «Прорицательскую газету» и стал читать, зажав кончик языка зубами. Измождённое лицо человека с длинными тусклыми космами медленно подмигнуло Гарри с большой фотографии на первой странице. Он показался мальчику странно знакомым.

– Этот человек! – Гарри на время позабыл о своих горестях. – Он был в новостях у муглов!

Стэнли сложил газету, взглянул на первую страницу и хмыкнул.

– Сириус Блэк, – кивнул он. – ясно, был в новостях, ты чё, с луны свалился, Невилль?

Непонимающее выражение на лице у Гарри заставило Стэна ещё раз хмыкнуть, очень снисходительно. Он отделил первую страницу и протянул её Гарри.

– ‘азеты читать надо, Невилль.

Гарри поднёс газету к свету и прочитал:

БЛЭК ЕЩЁ НЕ ПОЙМАН

Согласно подтверждению, полученному от министерства магии, Сириусу Блэку – пользующемуся, пожалуй, самой дурной славой узнику, когда-либо попадавшему в стены крепости Азкабан – по-прежнему удаётся избежать ареста.

«Мы делаем всё возможное, чтобы схватить Блэка», – заявил этим утром министр магии Корнелиус Фудж, – «и настоятельно просим всех граждан магического сообщества сохранять спокойствие.»

Ранее Фудж подвергался резкой критике со стороны некоторых членов международной федерации чародеев за то, что проинформировал премьер-министра муглов об инциденте.

«Вы что, не понимаете, я был вынужден это сделать,» – ответил раздражённый Фудж. – «Блэк – сумасшедший. Он опасен для всякого, кто с ним столкнётся, неважно, колдун это или мугл. Премьер-министр заверил меня, что ни единым словом не обмолвится об истинной сущности Блэка. И, давайте посмотрим правде в глаза – даже если бы и обмолвился, кто бы ему поверил?»

Гарри заглянул в спрятанные в тени глаза Сириуса Блэка. Это была единственная часть его лица, которая оставалась живой. Гарри никогда не

встречал вампира, но на уроках по защите от сил зла видел их на картинках – Блэк, с его бледно-восковой кожей, выглядел точь-в-точь как вампир.

– Страшенный чувак, скажи? – Стэн наблюдал за Гарри, пока тот читал.

– Он убил тринадцать человек, – спросил Гарри, возвращая газету Стэну, – одним проклятием?

– Угу, – ответил Стэн, – при свидетелях, все дела. Середь бела дня. Таких делов понаделал, беда, скажи, Эрн?

– Ага, – мрачно подтвердил Эрн.

Стэн развернулся в кресле, положив ладони на спинку, чтобы лучше видеть Гарри.

– Блэк был приспешник Сааешь-Каво, – сообщил он.

– Что, Вольдеморта? – бухнул Гарри, не подумавши.

У Стэна даже прыщи побелели; Эрн так крутанул рулём, что целой ферме пришлось шарахнуться в сторону, чтобы не столкнуться с автобусом.

– С дуба ты рухнул, чёли? – заверещал Стэн. – Чё ты имя-то 'ооришь?

– Прости, – поскорей сказал Гарри, – прости, я... я забыл...

– Он забыл! – ослабевшим голосом простонал Стэн. – К'шмар, у меня аж сердце зашлось!

– Значит – Блэк был на стороне Сам-Знаешь-Кого? – извиняющимся тоном продолжил разговор Гарри.

– Ага, – Стэн всё ещё хватался за сердце, – Эт-точно. Оч'был близко к Сааеш-Каму, гряд. Ну ить сирано, малыш 'Арри Поттер его победил...

Гарри снова пригладил чёлку.

– ...которые были за Сааешь-Каво, всех выследили, скажи, Эрн? А другие и сами дотумкали – всё, конец, раз Сааешь-Каво нету, и – в тину. Тока не Сириус Блэк. Я слыхал, он хотел принять командование, как Сааешь-Каво

не стало.

– Короче, Блэка окружили посередеь улицы... Кру'ом полно муглов – тада Блэк хватъ палку и полулицы – хабах! – взорвал. Оот. Одного колдуна уделало, ну, и с дюжину муглов. Жуть, скажи! А знаешь, чё Блэк апосля сделал? – закончил Стэн драматическим шёпотом.

– Чего? – спросил Гарри.

– Заржал, – расширил глаза Стэн. – Так вот стоял и ржал, приставляш? А када подоспело подкрепление с м'стерства, он с ими пошёл тихо, как овечка, тока ржал как псих. Эт'тому он псих и есть, скажи, Эрн?

– Если и не был, как отправился в Азкабан, так теперь уж точно псих, – проговорил Эрн своим тихим голосом. – Я б лучше взорвался, а туда б ни ногой! Ну, да так ему и надо... после того, чего он натворил...

– Оот была забота, за им подчищать, скажи, Эрн? – перебил Стэн. – Вся улица на воздух, муглы в куски. Чё там, грили, случилось?

– Взрыв газа, – буркнул Эрн.

– Оот, а терь он убёг, – сказал Стэн, внимательно изучая измождённое лицо Блэка на фотографии. – Раньше из Азкабана не бегали, скажи, Эрн? Я ваще не пойму, как ета он? Убёг-та? Жуть, скажи? Правда, навряд у его хоть какой шанс есть, против азкабанских стражников-та, а, Эрн?

Эрн внезапно содрогнулся.

– Давай-ка про чёньть другое, Стэн, будь другом. У меня от этих азкабанских стражников мурашки.

Стэн неохотно отложил газету, а Гарри боком привалился к окну «ГрандУлёта», чувствуя себя хуже, чем когда-либо. Он воочию представлял себе, **что** будет рассказывать своим пассажирам Стэн через пару-тройку дней.

– Слыхали про 'Арри Поттера, а? Надул тётку! Он у нас прям оот тута был, скажи, Эрн? Хотел убечь, подумать тока!

Он, Гарри, нарушил колдовской закон так же, как это сделал Сириус Блэк. Интересно, то, что он надул тётю Маржи, может послужить основанием для заключения в Азкабан? Гарри ничего не знал про колдовскую тюрьму, но все, кто упоминал о ней, произносили её название испуганным шёпотом. Огрид, хогварцевский дворник, в прошлом году провёл там целых два месяца. Вряд ли Гарри удастся забыть выражение смертельного ужаса на лице у Огрида, когда тому сообщили, куда его отправляют, а ведь Огрид – один из самых храбрых людей на свете.

«ГрандУлёт» катил в темноте, распугивая кусты и урны, телефонные будки и деревья, а Гарри лежал, несчастный, на пуховой постели и не находил себе места. Спустя какое-то время Стэн вдруг вспомнил, что Гарри заплатил за какао, но случайно вылил напиток на подушку, когда автобус резко переместился из Энглси в Абердин. Один за другим колдуны и ведьмы в халатах и шлёпанцах сходили с верхних этажей, чтобы покинуть автобус. При этом не скрывали радости, что могут наконец выйти.

В конце концов, в автобусе остался один Гарри.

– Ну оот, Невилль, – хлопнул в ладоши Стэн, – куда те в Лондон?

– На Диагон-аллею, – решил Гарри.

– Классно, – сказал Стэн, – тада держися!

БАМС.

И они уже громыхали по Чаринг-Кросс Роуд. Гарри сел и стал наблюдать, как здания и парапеты набережной жмутся, чтобы пропустить «ГрандУлёт». Небо слегка посветлело. На пару часиков придётся затаиться, а потом он отправится в «Гринготтс», прямо к открытию, а потом поедет... он не знал, куда.

Эрн вдавил в пол тормоза, и «ГрандУлёт», скакнув, замер перед небольшим, захудалого вида заведением. Это был «Дырявый котёл», бар, за которым располагался волшебный вход на Диагон-аллею.

– Спасибо, – поблагодарил Гарри шофёра.

Он спрыгнул со ступеней и помог Стэну спустить на мостовую сундук и

клетку Хедвиги.

– Что ж, – сказал Гарри, – пока!

Но Стэн не обратил внимания. Он застыл в дверях автобуса и пялил глаза на затемнённый вход в «Дырявый котёл».

– Наконец-то, Гарри, – произнёс чей-то голос.

Раньше, чем Гарри успел обернуться, ему на плечо опустилась рука. В это же самое время Стэн заорал:

– Ух ты! Эрн, вали сюда! Давай **сюда!**

Гарри взглянул на того, кому принадлежала рука и почувствовал, будто ему в желудок засыпают колотый лёд – целое ведёрко – он попал в руки самого Корнелиуса Фуджа, министра магии.

Стэн соскочил на мостовую.

– Как вы назвали Невилля, Министр? – возбуждённо выкрикнул он.

Фудж, невысокий дородный человек в длинной полосатой мантии, выглядел замёрзшим и очень измотанным.

– Невилля? – нахмурился он. – Это Гарри Поттер.

– Я так и знал! – возликовал Стэн. – Эрн! Эрн! Угадай, кто всамделе Невилль? 'Арри Поттер! Я вить видел – шрам!

– Верно, – поджав губы, сказал министр, – что ж, я очень рад, что «ГрандУлёт» подобрал Гарри, но теперь нам с ним надо пойти в «Дырявый котёл»...

Фудж сильнее сжал плечо мальчика и подтолкнул его внутрь бара. У задней двери показалась сутулая фигура с фонарём. Это был Том, сморщенный, беззубый хозяин заведения.

– Вы нашли его, Министр! – воскликнул Том. – Вам что-нибудь подать? Пиво? Бренди?

– Наверное, чаю... целый чайник, – попросил Фудж, до сих пор не отпустивший Гарри.

Сзади раздались громкий скрежет и пыхтение. Вошли Стэн с Эрни. Они внесли сундук и клетку. Вид у обоих был крайне заинтригованный.

– А чёж ты нам-та не сказал, кто ты ваще такой, а, Невилль? – спросил Стэн, радостно улыбаясь Гарри. Из-за его плеча по-совиному выглядывал Эрни.

– И **отдельный** кабинет, пожалуйста, Том, – подчёркнуто добавил Фудж.

– Пока! – несчастным голосом попрощался Гарри со Стэном и Эрни. В это время Том с фонарём жестом пригласил Фуджа проследовать за ним по узкому коридору в маленькую гостиную. Том щёлкнул пальцами, в очаге загорелся огонь, и хозяин с поклоном удалился.

– Садись, Гарри, – сказал Фудж, показав на кресло у камина.

Гарри сел. Руки у него покрылись гусиной кожей несмотря на тепло, идущее от очага. Фудж снял полосатую мантию и отбросил её в сторону, затем подтянул на коленях бутылочно-зелёные костюмные брюки и уселся напротив.

– Я – Корнелиус Фудж, Гарри. Министр магии.

Гарри это было известно; однажды он уже видел Фуджа, но в тот раз Гарри скрывался под плащом-невидимкой, и Фуджу не следовало об этом знать.

Вновь появился Том, в фартуке поверх пижамной рубашки и с подносом, на котором стоял чай и блюдо сдобных лепёшек. Том поставил поднос на столик между креслами Гарри и Фуджа, а затем вышел из комнаты, прикрыв за собой дверь.

– Ну, Гарри, – начал Фудж, разливая чай, – задал же ты нам работы, скажу честно. Подумать только, сбежать от дяди и тёти, да ещё таким образом! Я уж было подумал... но ты цел и невредим, а это главное.

Фудж намазал себе лепёшку маслом и подтолкнул тарелку к Гарри.

– Ешь, Гарри, а то ты как ходячий мертвец. Ну, что ж... Ты будешь рад узнать, что мы сумели устранить последствия несчастного случая, в результате которого была надута мисс Марджори Дурслей. Двое представителей департамента по размагичиванию в чрезвычайных ситуациях несколько часов назад были направлены на Бирючиновую аллею. Мисс Дурслей проткнули, и её память была подвергнута модификации. У неё не осталось абсолютно никаких воспоминаний о происшествии. Так что – было и прошло, никому никакого вреда.

Фудж улыбнулся Гарри поверх чашки, на манер доброго дядюшки, беседующего с любимым племянником. Гарри, который до сих пор не мог поверить собственным ушам, открыл было рот, однако, не придумал, как можно выразить свои эмоции, и закрыл его снова.

Конец ознакомительного фрагмента. Читать дальше:

[Перейти](#)